

ОГЛАВЛЕНИЕ

Александр Павлов. ПОСТМАРКСИЗМ БЕЗ ЗНАКА ВОПРОСА: РАДИКАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ЙОРАНА ТЕРБОРНА	. 7
ВВЕДЕНИЕ. НАШЕ ВРЕМЯ И ЭПОХА МАРКСА	25
ГЛАВА 1. ВПЕРЕД В ХХІ ВЕК: НОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	31
Координаты политического пространства.	36
Динамика политической сферы	55
Культуры критики	62
Геополитика после распада Советского Союза	80
Политические пространства начала ХХІ века и перспектива транссоциализма	99
ГЛАВА 2. МАРКСИЗМ ХХ СТОЛЕТИЯ И ДИАЛЕКТИКА СОВРЕМЕННОСТИ	109
Понятие «современность» у Маркса	111
Аспекты критической традиции	114
Основа критической теории	116
Поппер versus Адорно	121
Новая территория Хабермаса	124
Возрождение значимости Франкфуртской школы.	127
Западный и другие марксизмы	130
Ретроспективно перечитывая западный марксизм	133
Критическая теория и Октябрьская революция.	136

Философский поворот	.138
Марксизм и пути через современность.	.141
Европейский марксизм после Второй мировой войны	.144
Кратковременное возрождение	.148
Марксизм в Новом Свете	.149
Будущее диалектики	.158
ГЛАВА 3. ПОСЛЕ ДИАЛЕКТИКИ:	
РАДИКАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ СЕВЕРА	
НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА	161
Поворот современности	.164
Модусы левой реакции.	.184
Репертуар позиций	.215
Заглядывая вперед	239
Библиография	243

Постмарксизм без знака вопроса: радикальная социальная теория Йорана Терборна

То, каким образом в отечественной интеллектуальной среде вдруг становится известно имя того или иного мыслителя или ученого, примерно понятно. Практически у каждого автора, каждой темы, школы или интеллектуального течения есть свои проводники в российской академии. Именно проводники новых имен выполняют одну из самых важных просвещенческих задач в науке. В этом отношении есть некоторая несправедливость в том, что имя шведского социолога Йорана Терборна до сих пор не стало широко узнаваемым в отечественной академии.

Между тем Терборна как социолога с мировым именем по влиянию можно сопоставить, пожалуй, с хорошо известным у нас Энтони Гидденсом. С двумя важными оговорками. Несмотря на то что оба автора — уважаемые социологи, их методологическая и, главное, политическая позиция, имплицитная их теориям, противоположна. В 1991 году Терборн нападал на Гидденса за то, что в его теории практически не было места *объяснению*¹. Позже появилась еще одна

---

¹ С точки зрения Терборна, объяснение не было научным интересом Гидденса, который использовал «свои глубокие классические исследования в основном для того, чтобы подкрепить свои собственные концептуальные схемы». *Терборн Г.* Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческое действие: объяснение в социологии и социальной

линия для «конфликта», куда более принципиальная: Гидденсу, ставшему «придворным философом»² британского премьера Тони Блэра, доставалось на протяжении 2000-х от всех левых за то, что тот обеспечивал идеологическую поддержку «третьего пути»³. В то же время Йоран Терборн всегда был представителем левой социальной теории.

Последнее имеет очень большое значение для понимания творческого наследия Терборна. Далее я постараюсь показать, почему он сегодня является выдающимся социальным теоретиком, который одним из первых начал отстаивать особое направление в мировой социологии именно как научной дисциплине — марксистское. Возможно, настоящее предисловие (и, конечно, главным образом сама книга), наконец, сформирует представление о Терборне как ученом. Для этого необходимо раскрыть несколько тем — показать, как Терборн понимает «социальную теорию» в контексте социологии, дать краткую характеристику его научного наследия, пояснить смысл ключевого для его позднего творчества термина («современность») и, наконец, прокомментировать самое важное — концепт «постмарксизм».

Чтобы оценить значение Терборна как социального теоретика, достаточно обратиться к «археологии» его русскоязычных текстов. Еще в СССР, когда многих из живых классиков социальной науки знали совсем плохо либо не знали вообще, потому что некоторые классики тогда не были классиками, Терборна, писавшего на английском, уже переводили. Так, британский марксистский историк Эрик Хобсбаум подготовил на итальянском языке фундаментальную

науке // Теория общества. Сборник / вступ. ст., сост. и общ. ред. А.Ф. Филипова. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 1999. С. 82. Сперва имя автора на русский транскрибировали как «Гёран».

² *Каллиникос А.* Антикапиталистический манифест. М.: Праксис, 2005. С. 13.

³ Стоит признать, что критика Гидденса со стороны Терборна была едва ли не самой мягкой из всех возможных реплик левых интеллектуалов. См. с. 218–219 наст. изд.

работу — историю марксизма в нескольких томах. Эти книги были переведены в Советском Союзе. В томе «Марксизм сегодня» можно было найти статью Терборна⁴. Уже тогда Терборн пытался продвигать важнейший проект, в итоге получивший название «радикальная социальная теория», а в тот момент звучавший как «марксистская социология».

В 1999 году в антологии «Теория общества» вышел текст Терборна 1991 года, цитируемый выше⁵. Менее десяти лет спустя сразу два перевода (и один реферат) Терборна появились в антологии «Социологическая теория: история, современность, перспективы»⁶. В том же году в журнале «Логос» была переведена глава из важнейшей книги социолога «Что делает правящий класс, когда он правит»⁷. Немногим раньше в журнале «Прогнозис» вышла статья «После диалектики: радикальная социальная теория в посткоммунистическом мире»⁸, которая легла в основу третьей — расширенной и исправленной — главы книги «От марксизма к постмарксизму?». В 2009–2010 годах Терборн дал несколько политических комментариев сегодня почившему «Русско-

---

⁴ Терборн Г. Классовый анализ в современном мире: марксизм как социальная наука // История марксизма: в 4 т. / под общ. ред. Е.А. Амбарцумова. М.: Прогресс, 1986. Т. 4. Вып. 1. С. 369–417.

⁵ Терборн Г. Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческое действие: объяснение в социологии и социальной науке. С. 73–102.

⁶ См. тексты: Терборн Й. Мультикультурные общества // Социологическая теория: история, современность, перспективы / под ред. А.Ф. Филиппова. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 165–190; Терборн Й. Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения // Там же. С. 191–240. И реферат книги: Терборн Й. Начало второго века социологии: времена рефлексивности, пространств идентичности и узлы знания // Там же. С. 706–712.

⁷ Терборн Г. Что делает правящий класс, когда он правит? Некоторые размышления о различных подходах к изучению власти в обществе // Логос. 2008. № 6. С. 73–92.

⁸ Терборн Й. После диалектики: радикальная социальная теория в посткоммунистическом мире // Прогнозис. 2007. № 4 (12). С. 291–332.

му журналу»⁹. А в 2013 году было опубликовано интервью с ним в одном из российских социологических журналов¹⁰. Одним словом, имя автора было известно социологам-теоретикам, но преимущественно в контексте *социологической* теории, нежели *социальной*.

Нужно обратить особое внимание на то, что 1) *социология* Терборна «радикальна» в том смысле, что она политически ангажирована, и 2) его социологическая теория вступает в конфликт со строгой теоретической социологией, обнаруживая близость к «объяснению» (в терминах Джеффри Александера) и/или «интерпретации» (в терминах Зигмунта Баумана). Вот почему сам Терборн в позднем творчестве использует в том числе термин «социальная теория», а не «социологическая», понимая под ней осцилляцию между двумя позициями — всеобъемлющую объяснительную рамку для многообразия социальных феноменов и «попытку осмыслить» сами эти феномены. Таким образом, общая концепция социальной «теории» (концепт закавычивает сам Терборн), применима скорее к *объяснению* и осмыслению, а также конструированию значения¹¹.

Высшая школа экономики может гордиться тем, что первый полноценный перевод книги Терборна «Мир: Руководство для начинающих» (оригинал 2011) на русский язык вышел в ее Издательском доме¹². Текст относится к позднему периоду творчества автора, но в нем отражены темы, которыми Терборн занимался до этого, — глобализация, демография и сексуальность в широком смысле, объединенные под общей теоретической рамкой «модернизации»/модерна. Спустя пять лет в Издательском доме Высшей школы

⁹ Подборку комментариев Терборна см.: <<http://www.russ.ru/avtory/Terborn-Joran>> (дата обращения 25.09.2020).

¹⁰ Интервью с профессором Йораном Терборном // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 1. С. 5–19.

¹¹ См. с. 182 наст. изд.

¹² *Терборн Й.* Мир: Руководство для начинающих. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015.

экономики вышла новейшая книга автора «Города власти. Город, нация, народ, глобальность» (оригинал 2017)¹³. Наконец, снова в Издательском доме Высшей школы экономики выходит книга Терборна «От марксизма к постмарксизму?» (оригинал 2008) — небольшая, но, возможно, наиболее важная в контексте его работы. Несмотря на то что и этот источник относительно новый, в тексте отражен главный интерес социолога — концепция современности.

По большому счету, в названии книги «От марксизма к постмарксизму?» отражен весь творческий путь Йорана Терборна. Он сам признает: «Мои теоретические взгляды сформировались в русле западного марксизма — инспирированной Марксом гуманистической традиции, идущей от Грамши и Лукача к Анри Лефевру и Сартру, твердо отстаиваемой и практикуемой Томпсоном, Андерсоном и журналом «New Left Review». Социологию я рассматривал прежде всего как удобную базу для социальных исследований»¹⁴. Нужно учесть, что это было сказано в 2013 году, а следовательно, методологическая позиция автора, в данном случае не отделяемая от идеологической, была константой¹⁵. Первые три книги Терборна представляют собой «марксистскую трилогию о науке, классовом господстве и идеологии»¹⁶. Стоит упомянуть, что все они выходили в ле-

---

¹³ Терборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020.

¹⁴ Интервью с профессором Йораном Терборном // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 1. С. 5.

¹⁵ О «молодом Терборне» см.: Hort S., Olofsson G. A Portrait of the Sociologist as a Young Rebel: Göran Therborn 1941–1981 // Class, Sex and Revolutions: Göran Therborn a Critical Appraisal / ed. by G. Olofsson, S. Hort. Lund: Arkiv förlag, 2016. P. 19–51.

¹⁶ См.: Therborn G. Science, Class & Society. London: New Left Books, 1976; Therborn G. What Does the Ruling Class do When it Rules? State Apparatuses and State Power under Feudalism, Capitalism and Socialism. London: New Left Books, 1978; Therborn G. The Ideology of Power and the Power of Ideology. London: New Left Books, 1980.

вом издательстве New Left Books/Verso, а сам Терборн на английском начинал публиковаться в упоминаемом «New Left Review» — главном посреднике мировой марксистской мысли в англоязычном мире¹⁷.

Во всех работах Терборна, начиная уже с его диссертации 1972 года и вплоть до последней книги о глобальных городах, красной нитью проходят две линии исследовательского направления: с одной стороны, анализ власти и государства, с другой — социальная экономика капитализма. И даже тогда, когда социолог, казалось бы, обращается к наполовину новой для себя теме (в книге «Между сексом и властью: семья в мире, 1900–2000» кроме власти появляется тема «секса»¹⁸), в действительности мы можем обнаружить ее в совсем ранних его текстах. Например, еще в книге «Власть идеологии и идеология власти» он выделял четыре вида человеческой субъективности: 1) историко-позиционную (класс); 2) историко-инклюзивную (нация); 3) экзистенциально-инклюзивную (религия); 4) экзистенциально-позиционную (сексуальность)¹⁹.

Главной тематической инновацией, объясняющей мир, в работах Терборна с конца 1990-х стал теперь уже ключевой для него концепт — глобализация. Однако еще в 1986 году в текстах ученого появляется принципиальная теоретико-методологическая рамка анализа — «современность» (модерн). На пересечениях больших исследовательских полей (власть и государство/капитализм) Терборн в разные периоды деятельности изучал, например, проблемы безработицы и неравенства, но обязательно смотрел на них сквозь

---

¹⁷ Неслучайно социолог регулярно с благодарностью упоминает редактора журнала Перри Андерсона в самых разных контекстах.

¹⁸ *Therborn G. Between Sex and Power: Family in the World, 1900–2000.* New York; London: Routledge, 2004.

¹⁹ *Therborn G. The Ideology of Power and the Power of Ideology.*

призму концепта «современность»²⁰. Хотя к теме «современности» (как модерна, так и модернизации), как утверждает сам социолог, он пришел случайно, с середины 1990-х именно «современность» становится основным теоретическим лейтмотивом всего его творчества, а его прежние интересы — капитализм и государство — теперь вписываются в новую оптику.

Не лишним будет заметить, что Терборн обращается к этому понятию то как к социологическому, то как к более общему — социально-философскому. Поэтому, как и во всех других своих книгах, он описывает «современность» в различных аспектах, выбирая разные ее ракурсы, но всегда имея в виду одну-единственную современность, а не «множественные современности». Поэтому неудивительно, что в работе «От марксизма к постмарксизму?» центральное место тоже отведено современности. Вот почему в данной книге, к краткому разбору которой мы переходим, представлена мысль социолога как таковая.

В этой работе Терборн интерпретирует современность скорее социально-философски, нежели социологически. Он отмечает, что определенно не существует ни одного полностью корректного определения современности и модерна²¹. Вместе с тем «...наиболее плодотворные определения этих понятий, взятые из обыденного языка, стремятся к тому, чтобы быть менее произвольными и частными, что обычно предполагает наличие уважения к этимологическому значению и воздержанность от нагрузки определения априорными коннотациями. Современность, таким образом, должна

---

²⁰ *Therborn G. Why Some Peoples are More Unemployed than Others. London: Verso, 1986; Therborn G. The Killing Fields of Inequality. Cambridge: Polity Press, 2013.*

²¹ Нужно заметить, что он использует сразу два концепта — *modernity* и *modern*, — переведенные как «современность» и «модерн» соответственно. Поэтому читателю не стоит удивляться, когда он встретит эти слова, часто употребляемые автором через запятую.

рассматриваться только как темпоральная характеристика. Современность — это культура, объявляющая себя современной, в смысле поворота спиной к прошлому — старому, традиционному, *passé* — и направленности в будущее, как к достижимому новому горизонту»²².

Несмотря на то что это определение, как мы увидим, всегда было константным для Терборна, в «От марксизма к постмарксизму?» он в итоге придет к мысли, что сегодняшние левые стремятся отвечать на вызовы современности разными способами. Так, когда Терборн рассуждает о политическом противостоянии Западу со стороны левых по всему миру, то говорит об «антимодернизме», подразумевая протесты против политики неолиберализма и американизации под «овечьей шкурой» глобализации. Собственно, первая глава книги посвящена именно этому — глобальной политике XXI века и силам непочтительности по отношению к капиталу и мировому лидеру — США. Правда, именно эта глава оказывается сегодня самой устаревшей (за исключением отрывков, посвященных теоретической оптике) в том смысле, что почти все политические прогнозы автора не просто не сбылись, но скорее даже сбылись с точностью до наоборот.

Например, Терборн возлагал большие надежды на Латинскую Америку, полагая, что та станет основным центром сопротивления всемирному капиталу и гегемонии Соединенных Штатов — главным врагам всех левых в 2000-е. Однако сегодня мы видим, что все то, на что рассчитывал Терборн, в итоге исчезло — латиноамериканский социализм на практике сдал. Например, Рафаэль Корреа в мае 2017 года сложил полномочия президента Эквадора и эмигрировал в Бельгию, Эво Моралес после нарушений на выборах и массовых протестов в ноябре 2019 года бежал из Боливии в Мексику. Венесуэла под правлением социалиста Николаса

---

²² С. 172 наст. изд.

Мадуро пребывает в тяжелейшем политическом кризисе, а сам политик обвиняется США не только в коррупции, но и в контрабанде наркотиков.

Или, скажем, Терборн отмечает, что Всемирный социальный форум (ВСФ) 2000-х годов — хотя «лишь форум, площадка для встреч», «не движение или даже активная сила», но «на сегодняшний день наиболее любопытная за последние 20 лет» инициатива левых²³. Однако уже в тот момент было ясно, что «площадка» исчерпала весь свой потенциал даже в качестве форума. Так, почти в то же время, что и Терборн (в декабре 2007 года), Перри Андерсон писал, что «ВСФ после впечатляющего широкомасштабного и стремительного старта сейчас, похоже, выдохся. Неудивительно, что Форум ...практически не в состоянии поддерживать зачаточные и хаотичные движения протеста на шести континентах»²⁴.

Но то, что надежды Терборна в политическом отношении не оправдались, не уменьшает значения двух других глав, написанных не в жанре заметок о текущем моменте. В них — вся ценность книги «От марксизма к постмарксизму?».

Во второй главе Терборн предлагает краткую историю марксизма в XX веке. Во-первых, он, цитируя американского марксиста Маршала Бермана²⁵, пытается представить марксизм как теорию и практику *диалектики* современности, подразумевая, что сам марксизм, будучи продуктом современности, всегда служил инструментом для ее критики. Слово «диалектика», используемое самим Терборном, здесь не случайно: одной из центральных для марксизма как со-

---

²³ См. с. 72 наст. изд.

²⁴ Андерсон П. Заметки о текущем моменте // Прогнозис. 2008. № 1 (13). С. 25.

²⁵ Уже классическая (оригинал 1982) работа Бермана, посвященная современности, только что была переведена на русский язык: Берман М. Все твердое растворяется в воздухе. Опыт модерности. М.: Горизонталь, 2020.

циальной теории тем была критическая теория от Хоркхаймера и Адорно и далее через Хабермаса к американизации Франкфуртской школы. То есть одним из самых мощных направлений марксизма был гуманистический марксизм, во многом построенный на гегельянстве молодого Маркса.

Даже в самой солидной социологической литературе можно встретить некорректное представление, будто бы западный марксизм полностью сводится к этой самой критической теории²⁶. Важнейшая заслуга Терборна в том, что, по его мнению, критическая теория — «лишь западный фрагмент этой глобальной истории, хотя и очень важный, представляющий, возможно, марксизм более чем любые другие течения мысли как диалектику современности»²⁷. Иными словами, марксизм XX века был чем-то большим, чем историей Франкфуртской школы и ее творческого наследия в США. Тем более, социолог далее покажет, что марксизм существует и «после диалектики».

Во-вторых, Терборн обращается к двум хрестоматийным обзорам западного марксизма «Размышления о западном марксизме» Перри Андерсона и «Марксизм и тотальность» Мартина Джейа²⁸ и приходит к выводу, что эти авторы, ретроспективно сочиняя канон, напрасно злоупотребили тем, что стали описывать западный марксизм именно как философское течение. Тем не менее многие мыслители, называемые Андерсоном и Джейем «философами», могут быть проинтерпретированы и как «социологи». Например, после Второй мировой войны «социологический поворот» был особенно заметен в творчестве Адорно, Хоркхаймера, Мар-

²⁶ Шацкий Е. История социологической мысли: в 2 т. М.: НЛО, 2018. Т. 2. С. 41–65.

²⁷ С. 158 наст. изд.

²⁸ См.: Андерсон П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма. М.: Common Place, 2016; Jay M. Marxism and Totality. Berkeley: University of California Press, 1984.

кузе, Анри Лефевра, Джорджа Фридмана и даже Сартра²⁹. Но дело не только в социологии. Были марксистские историки (Эрик Хобсбаум), политэкономы (Роберт Бреннер), политические ученые (Адам Пшеворский), макросоциологи (Иммануил Валлерстайн), социологи среднего уровня (Эрик Олин Райт) и т.д. Причем даже сам Андерсон, по мнению Терборна, работал в русле скорее исторической социологии, нежели философии. Этой позиции в отношении Андерсона, к слову, Терборн придерживался еще в начале 1980-х³⁰. Иными словами, марксизм в XX веке — отнюдь не только философский западный марксизм и, конечно, не только критическая теория.

В третьей главе Терборн подходит к главному тезису — он четко формулирует, каким образом самоопределялся марксизм в XX столетии. Он полагает, что лучше всего рассматривать историю марксизма (и как «-изма», и как ансамбля современности, подверженного историческим переменам) как триангуляцию трех «вершин», располагающихся на разном расстоянии друг от друга и вступающих в разные конфигурации, создавая тем самым всевозможные объединения. Во-первых, это историческая социальная наука, в фокусе которой всегда был капитализм; во-вторых, это та самая философская диалектика, предполагающая множество этических выводов; в-третьих, это модус социалистической политики рабочего класса, предоставивший дорожную карту для революции. Можно сказать также, что это исторический материализм «с марксистской критикой политической экономии и материалистическая диалектика с социальной философией отчуждения и товарного

---

²⁹ См. с. 140 наст. изд.

³⁰ По мнению Терборна, Андерсон в самом начале своей карьеры заменил «философию и политическую экономию социологией»: *Терборн Г.* Классовый анализ в современном мире: марксизм как социальная наука. С. 371.

фетишизма»³¹, определяемые политической деятельностью. Вывод, к которому приходит Терборн, печален. По его мнению, «классический марксистский треугольник был сломан и не похоже, что он будет восстановлен»³². Что дает нам ответ на вопрос, вынесенный в название самой книги: из фразы «от марксизма к постмарксизму?» должен быть удален знак вопроса.

Но почему так произошло?

В силу того что марксизм — не только «-изм», но и инструмент анализа современности, он неизбежно должен быть подвержен последствиям исторических событий. Хотя модернизм (ориентация на разум, науку и прогресс), утверждает Терборн, никогда не был лево-ориентированным, после Второй мировой войны он повсеместно стал близок левым взглядам во всех частях света. Однако «в 1980-х годах случился сход лавины постмодернизма»³³: на два десятилетия ученые — от философов до социологов — вступили в эру дебатов о модерне/постмодерне³⁴. Это увлечение постмодерном легко объясняется провалом левых политических сил в конце 1960-х³⁵. Терборн замечает: «Постмодернизм атаковал все главные нарративы современности, одновременно игнорируя диалектическую концепцию марксизма»³⁶. Однако этот тезис выглядит сомнительным, потому что сами левые даже с большей охотой взяли понятие «постмодернизм» на вооружение. Есть некоторая ирония в том, что

³¹ С. 168 наст. изд.

³² С. 241 наст. изд.

³³ С. 65 наст. изд.

³⁴ Подробнее в контексте социологии я писал на эту тему: *Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время*. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С. 63–88.

³⁵ См.: *Александр Дж. Модерн, анти-, пост- и нео-: как интеллектуалы объясняют «наше время»* // Александр Дж. *Смыслы социальной жизни: Культурсоциология*. М.: Праксис, 2013.

³⁶ С. 178 наст. изд.

пока Терборн критиковал постмодернизм, утверждая, что тот превратился в социокультурные исследования, американский консервативный историк клеймил за то же самое марксизм³⁷.

Здесь требуется небольшой, но принципиально важный комментарий. Терборн, хотя никогда особо не жаловал «постмодернизм», определенно зависел от этой категории. Термин был очень удобной мишенью для критики. В своей книге 1995 года о европейской современности Терборн писал, что понимает современность эмпирически, а не институционально, то есть как период, обращенный к будущему, а не к прошлому как средству ориентации в настоящем. Он отмечал: «В отличие от модных в настоящее время дебатов о модерне и постмодерн(изм)е, которые примечательным образом ограничиваются одним большим глобальным нарративом, будь то модерн, высокий модерн или постмодерн, мы выделили различные маршруты или переходы в/через современность — та перспектива, следует добавить, которая также предлагает разные выходы из современности»³⁸.

В середине 1990-х, когда дискуссии о постмодерне еще были сильны, Терборн оспаривал термин, чтобы спасти «современность» для социальной теории. В итоге через 13 лет он вернулся к понятию, чтобы с его помощью объяснить «разрушение» «марксистского треугольника». Можно не сомневаться в том, что социолог оставался последовательным в плане главной позиции, но, как стало ясно, атака на постмодерн была тактической и ситуативной. В книге 2011 года Терборн заявил: «В английском социальном дискурсе по-

---

³⁷ См.: *Готфريد П.* Странная смерть марксизма. М.: ИРИСЭН — Мысль, 2009.

³⁸ *Therborn G.* European Modernity and Beyond. The Trajectory of European Societies, 1945–2000. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 1995. P. 356.

нятие “модерн” (modernity) редко использовалось вплоть до появления постмодернизма в 1980 г.»³⁹, и спустя несколько десятков страниц добавил: «Лично мне неизвестно о попытках систематического анализа всех проблем и вопросов, связанных с постмодернистским вызовом. Блестящая работа 1998 г. Перри Андерсона “Истоки постмодернизма” (The Origins of Postmodernity) ограничивается его эстетической составляющей и первоначально задумывалась как предисловие к сборнику трудов Фредрика Джеймисона»⁴⁰. После чего социолог, видимо, навсегда закрыл для себя тему постмодерна, объявив, что мы живем в мире современности, направляющей нас в будущее.

И все же в 2008 году Терборн высказался о постмодернизме наиболее полно. Он отмечал, что «интеллектуальная волна постмодернизма в настоящее время ослабела»⁴¹, а сам модернизм при этом «не был отвергнут как интеллектуальная позиция»⁴². Собственно, современность в конце XX века, с точки зрения Терборна, совершила несколько поворотов — направо (неолиберализм), к постмодернизму и, наконец, к теоретическому и политическому поиску новых вариантов современности⁴³. Эти поиски Терборн был рад наблюдать в многочисленных темах левых социальных теоретиков. Вот только результатом всего этого стало разрушение триангуляции марксизма XX столетия. Иными словами, для Терборна постмарксизм есть попытки разных левых спасти современность, но путем отступления от монолитной триангуляции марксизма. Сам он не только смотрит на все это позитивно, без какого-либо сожаления, но даже поддерживает тех левых, кто отказался от марксизма

³⁹ Терборн Й. Мир: Руководство для начинающих. С. 85.

⁴⁰ Там же. С. 150.

⁴¹ С. 69 наст. изд.

⁴² С. 178 наст. изд.

⁴³ См. с. 181 наст. изд.

как политического кредо. Так, бразильский левый Роберто Мангабейра Унгер заявил в 2005 году: «Марксизм как доктрина мертв»⁴⁴. Но Терборн, комментируя позицию Унгера, отмечает, что потенциально унгеровские «предложения институциональных изменений могут иметь большие перспективы»⁴⁵.

Что это за ключевые темы радикальной социальной теории, которые выделяет Терборн? Это европейский теологический поворот (Ален Бадью и Терри Иглтон), левый футуризм (апокалиптика Имманула Валлерстайна и Джованни Арриги, а также новый утопизм Фредрика Джеймисона, Дэвида Харви и Элика Олина Райта), вытеснение класса (Этьен Балибар), отступление в левом анализе от государства (Шанталь Муфф и Эрнесто Лакло, тот же Унгер), возвращение сексуальности (Джудит Батлер, Торил Мой), возвышение сетевого анализа (Мануэль Кастельс) и политической экономии (Роберт Бреннер, Арриги и др.). Затем Терборн обращается к репертуару политических позиций внутри универсума левой теории.

По сути, то, что предлагает автор, — это таксономия (или даже картография) радикальной социальной теории в XXI веке. Данный текст — вероятно, главный и лучший обзор (пост)марксизма со времен книг Перри Андерсона и Мартина Джая. Собственно, эта картография всех левых начала XXI столетия отражает позицию относительно вынесенного в заглавие книги термина — постмарксизм. Это постсоциализм (Джон Кин), немарксистские левые (Роберто Мангабейра Унгер), марксология и аналитический марксизм (Жак Деррида и Джеральд Коэн), постмарксизм (Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, но также Юрген Хабермас, Аксель Хоннет и Режис Дебре), неомарксизм (Славой Жижек и тандем

⁴⁴ Унгер Р.М. Что должны предложить левые? // Прогнозис. 2007. № 4 (12). С. 154.

⁴⁵ С. 221 наст. изд.

Майкла Хардта и Антонио Негри), гибкие левые («New Left Review» и другие издания).

Надо признать, кому-то Терборн уделяет незначительное внимание, например, упоминая социальную теорию Филиппа Ван Парайса лишь в контексте проекта исследования «Реальных утопий» Эрика Олина Райта, в то время как, по мнению аналитического марксиста Джеральда Коэна, если марксизм еще и жив, то «он в некоем виде жив в работах Джона Рёмера и Филиппа ван Парайса»⁴⁶. Это же касается наследия Дэвида Харви: Терборн называет только одну книгу Харви («Пространство надежды»), хотя вклад этого «радикального географа» в сегодняшний марксизм куда более весом. Кого-то Терборн, при том что в его книге нашлось место многим, не упоминает вообще, например, Андре Горца, постопераистов и левых, обратившихся к анализу «цифрового капитализма»⁴⁷. Однако все эти недочеты неизбежны в рамках жанра обзора. В любом случае книга Терборна окажется более чем полезна для всех тех, кто хочет узнать о левой идее в XXI веке подробнее, самостоятельно изучить источники, перечисленные автором, и пойти дальше. Ясно одно: даже если марксизм сегодня не является фундаментом для многочисленных левых, он все равно жив хотя бы в словосочетании «постмарксизм», а повестка радикальной социальной теории настолько разнообразна и актуальна, что вряд ли можно рассуждать о каком-либо кризисе левой идеи.

⁴⁶ Коэн Дж. Совместимы ли свобода и равенство? М.: Свободное марксистское издательство, 2020. С. 15. Одна из самых последних книг Ван Парайса, написанных в соавторстве, вышла в Издательском доме Высшей школы экономики. См.: Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. Базовый доход: радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020.

⁴⁷ См., например: Горц А. Нематериальное: знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010; Лаццарато М. Предприятие и неомонадология // Логос. 2007. № 4 (61). С. 168–198; Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. Т. 29. № 6. С. 85–116.

Наконец, скажем главное. Что же это такое — постмарксизм? Терборн не проговаривает этого эксплицитно, но, как мы видим, понимает постмарксизм, с одной стороны, весьма широко, с другой стороны — узко. Узко в каком смысле? Исходя из «Репертуара позиций» очевидно, что постмарксизм — лишь одно из возможных направлений радикальной социальной теории, представленное главным образом Муфф и Лакло и их последователями⁴⁸. Однако (и это ответ на вопрос, почему термин следует трактовать еще и широко), постмарксистами стали называть всех тех, кто признавал, что слишком далеко ушел от Маркса (скажем, Бадью и Негри), но при этом сохранил к нему уважение, или даже не признавал, но так же далеко уходил от классического марксизма и даже марксизма XX столетия. Такое понимание постмарксизма стало конвенциональным⁴⁹.

Саморефлексия характерна для многих постмарксистов, например для политического ученого Адама Пшеворского, упоминаемого Терборном⁵⁰. Совсем недавно Пшеворский

---

⁴⁸ Впервые дискуссия о постмарксизме ожидаемо развернулась на страницах «New Left Review» после выхода теперь уже классической книги Лакло и Муфф «Гегемония и социалистическая стратегия». В итоге критикуемые авторы приняли этот термин как язык самоописания их политической и теоретической позиции. См.: *Geras N. Post-Marxism? // New Left Review. 1987. No. 163; Laclau E., Mouffe Ch. Post-Marxism without Apologies // New Left Review. 1987. No. 166.* Норман Герас еще более жестко среагировал на этот ответ, предложив «настоящую» критику: *Geras N. Ex-Marxism Without Substance: Being A Real Reply to Laclau and Mouffe // New Left Review. 1988. No. 169.*

⁴⁹ См., например: *Goldstein P. Post-Marxist Theory: An Introduction. New York: State University of New York Press, 2005; Harrison O. Revolutionary Subjectivity in Post-Marxist Thought: Laclau, Negri, Badiou. Farnham: Ashgate, 2014.* Мы видим, что, например, Оливер Харрисон называет Антонио Негри «постмарксистом», в то время как для Терборна Негри — скорее «неомарксист». В данном случае нет никаких противоречий: постмарксизм в широком понимании может считаться общим для многих левых лейблом, как когда-то «западный марксизм».

⁵⁰ См. с. 153, 214 наст. изд.

в очередной раз вернулся к размышлениям относительно собственного (пост)марксизма⁵¹. В конце концов, и Терборн, долгое время развивавший проект марксистской социологии, пришел к постмарксистской социальной теории. Он признает очевидное: «вряд ли Маркс станет объединяющей фигурой для больших коллективных идентичностей, каким он был в XX в.»⁵². Но вместе с тем открыто заявляет: «...я не хочу скрывать, что эта работа написана ученым, который не отказался от своей приверженности левой мысли»⁵³. Одним словом, у левых все еще есть ответ(ы) на вызовы современности. Этот ответ — постмарксизм. Теперь уже без знака вопроса.

*Александр Павлов, д.филол.н., доцент
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
ведущий научный сотрудник,
руководитель сектора социальной философии
Института философии РАН*

---

⁵¹ Przeworski A. What Have I Learned from Marx and What Still Stands? // Politics & Society. 2020. September 16. <<https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0032329220958662>> (дата обращения 26.09.2020).

⁵² Интервью с профессором Йораном Терборном // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 1. С. 9.

⁵³ С. 28 наст. изд.

Введение

Наше время и эпоха Маркса

КАРЛ Маркс, родившийся в 1818 году, был ровесником войн за независимость испанских колоний в Латинской Америке. Первые призывы к независимости прозвучали в 1810 году, хотя решающие антиколониальные битвы в Мексике и Перу пришлось на 1820-е годы. В Латинской Америке уже начали подготовку к празднованию двухсотлетнего юбилея в 2010 году¹. Конечно, Маркс моложе протагонистов борьбы Латинской Америки за освобождение, моложе, к примеру, чем сам Освободитель, Симон Боливар, образ которого в последнее время возрождается в качестве духовного предводителя революции в Венесуэле. Он родился в темные времена европейской реакции — Священного союза европейских монархов. Но зерна нового будущего уже попали в экономическую и культурную почву Западной Европы, и Карл сам наблюдал их первое цветение. «Манифест Коммунистической партии», в котором содержалось видение глобализирующегося капитализма и борьбы рабочего класса во время «Весны Народов», в феврале-марте 1848 года, определил свое время.

Если сравнить Маркса с его литературными аналогами, то он окажется гораздо моложе, скажем, Руми, Данте,

---

¹ Книга Йорана Терборна вышла в свет в 2008 году. — *Примеч. ред.*

Сервантеса или Шекспира, а в качестве социального и политического теоретика младше, например, Гоббса и Локка, которые во времена самого Маркса уже были героями кембриджской академической политики; не говоря уже о таких классических мыслителях, как Платон, Аристотель, Конфуций и Мэн-цзы.

Сегодня намного труднее определить, как долго будет востребован интеллект, чем предсказать продолжительность жизни среднестатистического человека. Что мы можем сказать о способности Маркса оставаться актуальным? Приближаясь к двухсотлетию со дня рождения человека, можем ли мы определить, что происходит с наследием, которое носит его имя: оно (давно?) мертво, умирает, стареет или же только достигает зрелости? Возможно ли его возрождение? Конечно, нельзя утверждать, что основоположник исторического материализма находится вне времени и вечно молод.

Любой соответствующий ответ должен принимать во внимание то обстоятельство, что Маркс обладал выдающейся способностью выдвигать и выражать новые идеи и был многогранной личностью. Он был интеллектуалом, социальным философом радикального Просвещения, социальным ученым-историком, политическим стратегом и лидером Союза коммунистов, а затем и Международного товарищества рабочих. Спустя десятилетия этим образом были приданы чрезвычайно разные значения и импликации. Политика неизбежно составляет центральную часть наследия марксизма, но никто никогда не заявлял, что Маркс был выдающимся политическим лидером. Он выступал в роли источника политического вдохновения и в качестве социального компаса для политической навигации, но Маркс-политик давно мертв. Немногие, если таковые найдутся вообще, социологи и историки стали бы отрицать, что социальная и историческая методология, понимание и знание значитель-

но продвинулись за более чем 125 лет со дня последней болезни Маркса, положившей конец его работе над рукописью «Капитала». Но эти вопросы сложнее, поскольку современный социальный анализ, равно как и исторический, все еще опирается на «классиков», не только в качестве источников вдохновения, но также и на темы их исследований, концепты, любопытные наблюдения и интригующие прозрения. Эмиль Дюркгейм, Алексис де Токвиль и Макс Вебер в этом смысле ровестники, так же как и Ибн Хальдун и Макиавелли, которые на несколько веков их старше. Великие философы никогда не умирают, у них бывают периоды спячки и расцвета, которые обычно существуют на промежутках времени где-то между кондратьевскими циклами и климатическими эпохами.

Эта книга в гораздо большей степени о Марксизме, чем о Марксе. Но если говорить о Марксе в наше время, мне кажется, что он только вызревает, во многом как хороший сыр или старое вино, не подходящие для дионисийских вечеринок или быстрого перекуса на передовой. Скорее он является вдохновляющим помощником в глубоких размышлениях о смыслах современности и эмансипации человека.

К приближающемуся двухсотлетию Маркса² я бы предложил три тоста. Первый: «За Карла Маркса как сторонника эмансипаторного разума, рационального исследования мира, приверженца идеи человеческой свободы от эксплуатации и угнетения». Второй: «За его историко-материалистический подход к социальному анализу. Другими словами, за его понимание настоящего как истории, в котором особое внимание уделялось условиям жизни и труда обычных людей и экономической, а также политической материальности власти; подход, которому не стоит следовать буквально, как если бы он был изложен в учебнике, но который нужно понимать как общий наказ, сопровождающийся намерением следовать

---

² Двухсотлетие Карла Маркса отмечалось в 2018 году. — *Примеч. ред.*

ему в дальнейшем». Третий: «Карлу следует отдать должное за его диалектическую открытость, его восприимчивость к противоречиям, антиномиям и конфликтам социальной жизни и глубокое их понимание».

Будущее марксизма видится мне неопределенным по причинам, которые будут изложены ниже. Но сам Маркс направляется к той же долгой жизни вечно чередующихся зимы, весны, лета и осени, что и у многих других великих мыслителей человечества начиная с Конфуция и Платона.

ПРИРОДА НАСТОЯЩЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Данная книга должна служить картой и компасом. Это попытка понять сейсмический социальный и интеллектуальный сдвиг между XX веком — в значительном смысле веком марксизма — и XXI столетием, который начался между 1978 и 1991 годами, когда Китай развернулся к рынку, а советская система рухнула и в Восточной Европе, и в самом СССР. Эта книга не претендует на то, чтобы быть интеллектуальной историей или историей идей; лучше рассматривать ее как непретенциозные путевые заметки, записанные после долгого, изнурительного путешествия через восхождения, переходы, спуски и тупики марксизма XX и начала XXI веков.

У книги две задачи. Первая: разметить левую политическую практику и мысль начала XXI века на карте предшествующего столетия. Вторая: представить систематическую панораму левой мысли на Севере в начале нового столетия, а затем сравнить ее с марксизмом предшествующей эпохи. Воздерживаясь от ходатайства о каком-либо определенном пути понимания или интерпретации, я не хочу скрывать, что эта работа написана ученым, который не отказался от своей приверженности левой мысли. Напротив, именно эта приверженность стала стимулом для написания данной книги.

Два указанных стремления отражены в трех разных главах. Первая, о пространствах левой мысли и практики, была изначально представлена на конференции в Мексике, организованной сенаторами Партии демократической революции (PRD) в апреле 2001 года, а затем была опубликована в «New Left Review»³. Для этой книги она была значительно переработана и переписана. Вторая глава, представляющая собой попытку определить наследие марксизма XX века в качестве критической теории, была опубликована в первом издании «Путеводителя по социальной теории» под редакцией Брайана Тёрнера⁴, который также редактировал второе издание, вышедшее уже в XXI веке. Здесь этот текст перепечатан с незначительными изменениями, главным образом с целью избежать слишком больших пересечений с последующим эссе. Третья глава, посвященная актуальной радикальной мысли, выросла из моего текста для книги «Руководство по европейской социальной теории», вышедшей под редакцией Джерарда Деланти⁵; данная статья позже была расширена и «атлантизирована» для публикации в «New Left Review»⁶. Этот текст я обновил и некоторым образом развил здесь; ошибки, замеченные читателями «New Left Review», о которых мне любезно сообщили, были исправлены, а некоторые контекстуальные аргументы были перенесены в другие главы.

Как ученый с глобальными интересами, я пытаюсь поместить «левое» в глобальный контекст. Но я с самого на-

---

³ *Therborn G. Into the 21st Century // New Left Review. 2001. No. 10. P. 87–110.*

⁴ *Therborn G. Critical Theory and the Legacy of Twentieth Century Marxism // Turner B. (ed.). The Blackwell Companion to Social Theory. Oxford: Blackwell, 1996. P. 53–82.*

⁵ *Therborn G. After Dialectics: Postmodernity, Post-Marxism, and Other Posts and Positions // Delanty G. (ed.). Handbook of Contemporary European Social Theory. London: Routledge, 2006. P. 185–202.*

⁶ *Therborn G. After Dialectics. Radical Social Theory in a Post-Communist World // New Left Review. 2007. No. 43. P. 63–114.*

чала признаю, что систематический обзор современной радикальной мысли Юга выходит за пределы моей языковой компетенции, а также я ограничен во времени. Я, тем не менее, отмечаю богатое наследие утонченной левой мысли на Юге, ведь будущее, вероятнее всего, будет определяться именно там.

*Кембридж
Октябрь-ноябрь 2007 года*

Глава 1

Вперед в XXI век: новые параметры глобальной политики

ПОЛИТИКА продумывается и отстаивается в борьбе, политические практики вырабатываются и претворяются в жизнь, политические идеи приходят и уходят в глобальном пространстве. Само пространство ничего не решает: имеют значение только акторы и их действия. Но во многих отношениях именно это измерение — протяженно-глобальное, но в настоящий момент куда более плотное в своей общемировой связности — наделяет акторов силами и ослабляет, ставит перед ними препятствия и предлагает возможности. Пространство задает координаты политических действий. В искусстве политики умение и ответственность, удача и гениальность, равно как и их противоположности, остаются неизменными, но именно пространство сдает политическим акторам карты на руки.

Это глобальное пространство включает три основных плана. Первый — социально-экономический, определяющий предпосылки для социальной и экономической ориентации политических действий, иными словами, для левых и правых. Другой план — культурный, с его превалирующими паттернами убеждений, идентичностей и принципиальным значением коммуникации. Третий — геополитический, который предоставляет параметры власти для конфронтации между государствами и против них. В этой главе картогра-

фируется пространство левой и правой политики, начиная с 1960-х годов и вплоть до первой декады XXI века. Это не политическая история и не стратегическая программа, хотя имеет к этому некоторое отношение. В широком, непартийном смысле, это попытка оценить сильные и слабые стороны левых и правых сил в недалеком прошлом, которое все еще оказывает влияние на настоящее, а также поместить это в контекст вновь возникающих течений.

Общее геополитическое пространство будет использоваться только в тех случаях, когда оно наиболее очевидным образом влияет на политику левых и правых. В области основополагающих концепций, тем не менее, могут понадобиться некоторые уточнения. Аналитическое различие между двумя элементами, конечно, не предполагает, что они полностью независимы друг от друга. В реальном мире социальные и геополитические пространства объединены. Как бы то ни было, важно их не путать. В холодной войне, к примеру, было принципиальное измерение для левых и правых, которое заключалось в соревновании социалистического и капиталистического образов современности. Но у нее также была специфическая геополитическая динамика, которая настраивала две суперсилы друг против друга и вовлекала в противостояние с каждой стороны союзников, сателлитов и друзей. Какое из этих измерений было более важным, остается спорным вопросом.

Ресурсы, возможности и варианты интертерриториальных акторов в геополитическом плане создаются целым набором факторов: военной мощью, демографическим потенциалом, экономической мощью и, среди прочего, географическим положением. Для понимания интересующей нас политики левых и правых особенно важное значение имеют два следующих аспекта: распределение геополитической мощи в мире и социальный характер интертерриториальных или транстерриториальных акторов.

В первую очередь следует отметить, что в последние сорок лет распределение мощи резко изменилось, и этот процесс не был однонаправленным. Этот период начался с приближения первого в истории США военного поражения (во Вьетнаме) и достижения СССР относительного военного паритета. Затем произошел распад Советского Союза, и Соединенные Штаты объявили о своей окончательной победе в холодной войне. Хотя в 1956 году Суэцкий кризис и фиаско франко-британско-израильского вторжения на территорию Синай возвестили о конце европейского военного доминирования в мировом масштабе, Европа, уже в качестве Европейского союза, вернула себе положение весомой экономической силы, а также континентальной лаборатории для выстраивания сложных межгосударственных отношений. В начале этого исторического периода Япония была восходящей экономической звездой; в настоящий момент она экономически угасает и сталкивается с социальными проблемами старения населения. Напротив, благодаря десятилетиям непрерывного экономического роста Китай нарастил экономические мускулы своего массивного демографического веса.

Социальный характер интертерриториальных акторов может быть понят не только исходя из «цвета» государственного режима, но также из ориентации и значимости негосударственных сил. Два новых вида международных акторов — пусть и различной социальной значимости — стали гораздо более важными на протяжении этого периода¹. Первый состоит из транснациональных межгосударственных организаций, таких как Всемирный банк, Международный валютный фонд и Всемирная торговая организация, которые совместно выступали как важная неолиберальная передовая часть для *правых* (хотя в рядах Всемирного банка были

---

¹ Транснациональные корпорации, конечно же, — вековой элемент капитализма.

слышны голоса несогласных). Второй представляет собой набор слабых транснациональных сетей, движений и лобби, занимающихся глобальными вопросами. Они появились как довольно значимые, прогрессивные акторы на мировой арене — изначально через их связи с такими механизмами ООН, как Конвенции о соблюдении прав человека, и важные международные конференции, посвященные проблемам равноправия женщин и положению простого народа, и даже чаще через их международную мобилизацию против либерализации торговли.

Вкратце, даже несмотря на то что США стали единственной суперсилой, геополитическое пространство не просто не стало однополярным, но и начало приобретать новые сложные формы.

Социально-экономическая плоскость

У социального пространства современной политики есть по меньшей мере три принципиально важных измерения: государства, рынки и социальное структурирование². Первые два — это хорошо известные и наиболее заметные институциональные комплексы. Третье измерение может потребовать некоторых разъяснений. Оно отсылает к формированию социальных акторов — процессу, на который, конечно, ока-

---

² Сам капитализм представляет собой систему рынков, социального структурирования и государств (одного или нескольких). Рассмотрение черт или, прежде всего, взаимоотношений этих трех измерений — один из путей (и, на мой взгляд, достаточно плодотворный) анализа властных отношений и их динамики в капитализме. Эти переменные благодаря открытости имеют преимущество для эмпирических аналитических обзоров, одновременно не предполагая и не требуя оценок актуальной степени капиталистической «системности» государств и социального структурирования. Актуальная и предсказуемая политика едва ли может быть схвачена в терминах противостояния социализма и капитализма: этот концептуальный аппарат, более широкий, свободный, и менее заикленный на капитале/труде, может иметь некоторые достоинства.

зывают влияние государства и рынки, но с дополнительной собственной силой, почерпнутой из форм получения заработка и места проживания, религий и семейных институтов. Оно включает не только классовую структуру, но и на более фундаментальном уровне изображение изменчивой «классовости». Возможно, будет полезно обратиться к более абстрактному, аналитическому различению социального структурирования, чем к конвенциональным измерениям масштаба класса или его силы, или даже от таких категорических идентичностей, как класс, гендер, этничность. Социальные структуры, на которые я хочу обратить внимание, являются не просто структурными категориями, но социокультурными понятиями, с акцентом на широкие, социально детерминированные культурные ориентации. В качестве ключевых характеристик я предлагаю здесь непочтительность/почтительность и коллективизм/индивидуализм (рис. 1.1).

Непочтительность и почтительность здесь соотносятся с направленностью к существующему неравенству в распределении власти, благосостояния и статуса; коллективизм и индивидуализм — с предрасположенностью, сильной или слабой, к коллективной идентификации и организации. Классических левых приводил в движение непочтительный коллективизм социалистического рабочего класса и антиимпериалистических движений, в то время как другие совре-

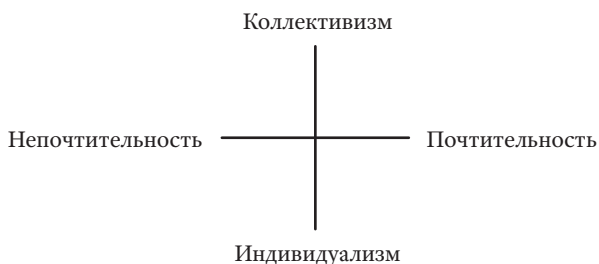

Рис. 1.1. Ключевые измерения социального структурирования акторов

менные радикальные движения за права женщин или права человека, например, имеют более индивидуалистический характер. Традиционные правые были институционально, или в качестве зависимых от государства, коллективистски настроены; либерализм, как старый, так и новый, склоняется скорее к «почтительному индивидуализму» — с уважением к тем, кто предположительно имеет более высокий статус, руководителям предприятий, богатым, менеджерам, экспертам (в особенности либеральным экономистам) — и, по меньшей мере в последнее время, мужчинам *chefs de famille*³, империалистическим правителям и представителям *Herrenvolk*⁴-империй.

Именно внутри этого треугольника, состоящего из государств, рынков и социального структурирования, политические идеи приобретают значимость и происходит политическое действие. Динамика этого пространства происходит, во-первых, из результатов предшествующей политической борьбы; во-вторых, из вклада новых знаний и технологий; в-третьих, из процессов экономической системы — капитализма и существовавшего в прошлом социализма. Схематизация полноценной модели представлена на рис. 1.2.

КООРДИНАТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Последние дискуссии о государстве, как со стороны левых, так и со стороны правых, фокусируются на вопросе «национального государства» как антиподе глобализации или — на приватизации как вызове его институтам. Эти подходы стремятся игнорировать и реальность современного процесса принятия решений и, что даже более важно, изменчивые структурные формы развития государства. По

³ Глава семьи, глава домохозяйства (фр.). — *Примеч. пер.*

⁴ Господа (нем.). — *Примеч. пер.*